

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАСТАСЬЯ КАРПИНСКАЯ

ПУСТАЯ КАРТА

Одинокие

Настасья Карпинская

Пустая карта

«Автор»

2021

Карпинская Н.

Пустая карта / Н. Карпинская — «Автор», 2021 — (Одинокие)

Что происходит, когда две параллельные друг другу жизни сталкиваются в одной плоскости? Жизнь научила ее не доверять людям, их клятвам и словам о верности и любви. У нее ничего нет, но она преданна своей семье и готова на все ради матери и сестры. У него есть все: деньги, шикарная квартира, бизнес, дорогая машина, пара любовниц и преданные друзья проверенные временем. У него есть все, кроме семейного тепла и любимой женщины. Что может связать двух абсолютно разных людей, когда точки пересечения совершенно отсутствует?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Настасья Карпинская

Пустая карта

Пролог

– Так будет всегда? – Я обернулась, встречая его хмурый взгляд. – Ты такую жизнь мне предлагал – ждать тебя среди ночи от очередной любовницы?

– Даяна – просто друг, я тебе уже говорил.

– Друг... – усмехнулась, качая головой. – А ей повезло с тобой. Я тоже хочу друга, который бы по первому зову прибежал и потр*хивал меня. Удобно. Хорошо устроилась. Аж завидно.

– Не передёргивай. Ей нужна была помощь. Мне что, в стороне постоять надо было?

Это ощущение его внутреннего неприятия моих слов взбесило ещё больше и сделало больней.

– Да блин! Ты говорил, что у неё мужик есть, так пусть этот мужик и заботится о ней. Или это ты тоже мне на уши навешал?

– Оль, может, ты перестанешь себя накручивать. Давай сядем, и я спокойно тебе расскажу, что случилось на самом деле, а ты там уже решишь: верить мне или нет.

– Нет, – отрицательно веду головой, с горечью понимая, что снова налажала. На одних и тех же граблях, бл*ть! Дура! – Сказок я в своей жизни однажды наслушалась, спасибо. Мне хватает того, что я вижу, Усманов.

– Да твою ж мать, Оль! Рус с Даянкой поссорились, там что-то такое произошло, что она едва таблеток не наглоталась. Что именно – я не понял, она не в том состоянии была, чтобы внятно объяснить.

– Ага, а ты плащ супермена надел и полетел. У тебя не синдром спасателя случаем?

– Да как хочешь это называй, суть не в этом.

– Суть в том, что у меня тоже есть свой триггер на измену мужиков – не перевариваю п*здеж! – произношу, смотря, как клубится злость в его зелёных глазах.

Мы замолкаем, глядя друг на друга, он ищет доводы и оправдание, а я... Я больше не ищу ничего, лишь тону в тонне едкого разочарования, снова. Прохожу мимо него и, подхватив свою сумку, направляюсь к двери. Я слышу, как он цедит сквозь зубы ругательство, но не останавливает меня, не старается задержать.

– Вещи завтра заберу, – бросаю, выходя из квартиры и закрывая за собой дверь.

Лифт, удар по кнопке, не поднимая головы, чтобы не смотреть в расположенное тут зеркало. Мне хватает ощущения боли, и я не хочу видеть ещё и её отражение в своих глазах.

И жили они недолго и несчастливо и умерли в разные дни. Сказок не бывает, а реальность та ещё сука.

Глава 1

– Это что? Телефонный номер твоего риэлтора? – Франц вскинул брови, когда я на его вопрос о цене моей новой квартиры просто черкнул цифры на листке и протянул ему.

– Цена, – произношу, откинувшись на спинку кресла и отпивая из чашки крепкий кофе.

Я прекрасно отдаю себе отчёт, что сумма заоблачная даже для оборотов Стаса, имеющего довольно большую сеть магазинов спортивного питания и фитнес-центр. Она и для меня была заоблачная, именно поэтому я вытянул средства из оборота фирмы, что делать было нельзя, особенно в таком объёме.

– Ты *б*нулся? – Он отбросил в сторону клочок бумаги и посмотрел на меня взглядом, отражающим явное сомнение в моих умственных способностях.

– Если брать во внимание моё бедное детство, то это просто психологическая компенсация, – улыбнулся, отставляя в сторону чашку.

В действительности я четыре года облизывался на квартиры в этом комплексе, и вот на пороге сорокалетия меня вынесло, и я рискнул. Жизнь дана на то, чтобы ею наслаждаться, а не только впахивать без выходных и праздников.

– Моя версия более реальной.

– Стас, мне бухгалтер нужен, чтобы прям огонь, чтоб дважды два равнялось этой сумме.

– А вот раньше перед покупкой этой дорогой халупы ты не мог позвонить и сказать: Стасян займи бабок?

– У тебя семья, а там сумма – не двадцатка до зарплаты, мне совесть не позволит так сделать.

– Зато под статью попасть твоя совесть тебе позволит, дебил.

– Не беси. Лучше помоги. Я редко тебя о чём-то прошу.

– Ты вообще никогда не о чём никого не просишь, – процедил раздражённо Стас, нервно покручивая пальцами телефон. – Слушай, а может, Нику Волкову попросить посмотреть, у неё же контора бухгалтерская? Вдруг что посоветует.

– Нет, даже в качестве консультации не обращусь. Мне потом Волков в случае чего голову откусит и не подавится. И будет прав.

– Ну, я тебе помочь не могу, у меня таких умельцев нет... Я поспрашиваю.

– Буду признателен.

– Последствия – если не найдёшь?

– Самые печальные. Моя засланная птичка из налоговой напела, что у них ещё в прошлый раз возникли ко мне вопросы, а если я сейчас подам реальные цифры, то вопросов станет очень много.

– Ага, а взъ*бывать они мастера, только повод дай.

– Вот и я о том же.

– На новоселье-то пригласишь?

– Ещё ремонт идёт. Как только, так сразу.

– Ловлю на слове. Ладно, поеду я. Если найду кого, наберу, – пожав руку, Франц удалился, уже по пути из кабинета отвечая на телефонный звонок.

Рабочий день прошёл в жёстком ритме – три встречи, совещание с управляющими магазинов и ворох бумаг к вечеру, который желательно было разобрать уже к началу следующего дня. На часах было около десяти, когда на пороге появилась Даяна, как обычно почти не слышно. Удивительная способность беззвучно приближаться.

– Можно? – произносит она тихим голосом, прислонившись к дверному откосу.

– Конечно.

Она подходит ближе, и я вижу покрасневшие от усталости глаза, в которых грусть, тоска и душевные метания. Протягиваю руку, жестом прося подойти, но она делает шаг и, взяв мою ладонь, прислоняет её к своему лицу, прижимаясь к ней щекой. Поднимаюсь и привлекаю её к себе, обнимая и целуя в макушку.

– Пятнадцать минут, Слав, и я уйду, – утыкается лбом мне в грудь. – Мне просто надо немного выдохнуть.

– Спешешь?

– Не хочу отвлекать тебя от работы.

– Я уже домой собирался. Ты на машине?

– Такси.

– Отвезти тебя?

– Да.

Отстраняюсь на пару минут, чтобы выключить ноут и убрать бумаги в сейф.

Мы выходим с Даяной из бизнес-центра, и её немного ведёт, она едва заметно запинаясь на ровном месте. Прижимаю её к себе, поддерживая, направляя к уже заведённой машине. Она снова вымотана, снова работала на износ. В первый месяц нашего знакомства я думал, что это желание заработать как можно больше, но это не было потребностью в деньгах, она просто прячется от одиночества в работе и иногда переходит черту, выдавая стахановские темпы, а после ваяясь с ног в прямом смысле слова.

– Алекс вчера звонил. – Она вытаскивает тонкую сигарету и приоткрывает окно, закури-
вая, салон тут же обволакивает тонкий аромат вишни.

– Снова с просьбой поиграть в любящую жену на очередном приёме?

– С согласием на развод, – усмехнулась, бросая на меня взгляд.

– Растёт мужик, прям на глазах. Подпишешь?

– Конечно. Сначала было желание его промурыжить, разделом имущества пригрозить или рассказать его женщине, что он всё это время был женат, но решила, что «баба с возу кобыле легче», так что завтра съезжу, всё подпишу и пошёл он к чёрту.

– Из-за этого накрыло?

– Нет, этот факт порадовал, что даже шампанское вчера открыла. Сегодня родители звонили... – она осеклась, делая глубокую затяжку и медленно выдыхая дым. – Мне тридцать лет... Почему я до сих пор чувствую себя неуверенной маленькой девочкой, когда слышу их голоса? Почему я не могу никогда сказать им «нет»? Слабая безвольная овца.

– Ты сильная, Дая, и ты это знаешь.

– Я позволила им сломать мою жизнь.

– Тебе было всего восемнадцать, – произношу, наблюдая, как она, затушив одну сигарету, сразу тянется за второй.

– Это не оправдывает ни меня, ни их.

Я останавливаю машину, и она тянется за брошенной на заднее сиденье сумочкой.

– Не торопись, я поднимусь.

– Останешься?..

В этом вопросе всё: надежда, боль и просьба, и я утвердительно веду головой, беря её кисть и прижимаюсь губами к нежной тонкой коже. Дая докуривает, и мы выходим, направляясь к подъезду.

Она живёт в сталинской многоэтажке в самом центре города, и её экстравагантное жильё полностью отражает её неординарную натуру. При потолках более четырёх метров интерьер был минималистичен, а её увлечение антиквариатом, с помощью которого она расставляла акценты, удивительным способом сочетая его с современной мебелью и вещами, делало квартиру очень тёплой и уютной, и такой же необычной, как её хозяйка.

Поворот ключа, щелчок выключателя. И я знаю, что будет дальше: душ, разогретый ужин, оставленный её заботливой домработницей, пара бокалов красного вина и разговоры – открытые, откровенные, болезненные. И сон. Просто сон двух уставших людей, ищущих тепло в объятиях друг друга, схожих в своём одиночестве.

– Тебе рыбу или мясо? – произносит Дая, скинув с ног туфли и собирая у зеркала свои белокурые волосы в хвост, пока я убираю наши вещи в шкаф.

– Мясо.

– Вино?

– На твой вкус.

– Ты же знаешь, что это будет красное, а ты любишь, что покрепче – ром или виски.

– Я переживу.

Она улыбается и, подойдя ближе, касается губами моих губ.

– За это я тебя и обожаю, Усманов, с тобой всегда можно договориться.

Глава 2

Выйдя из душа, я наблюдаю, как Дая расставляет на столе тарелки с разогретым ужином и приборы. Красивая, миниатюрная с шикарным вкусом ко всему, без излишеств. Мы сходились с ней во многом, порой понимали друг друга с полуслова, с одного кивка головы. И я не раз себя спрашивал: почему мы не заходим с ней дальше, что останавливает?

Она достаёт вино, а я сажусь за стол.

– Дая.

– А? – Она протирает бутылку и подносит её к столу со штопором, чтобы я открыл.

– Выходи за меня.

В голубых глазах удивление, а губы растягиваются в мягкой улыбке.

– У тебя сегодня тоже хреновый день?

Она тоже садится за стол и ловко разделяет приборами рыбное филе, наблюдая, как я наполняю наши бокалы.

– Я серьёзно сейчас.

– Давай подождём с этим. Вот если ты не женишься через пять лет, и твоё предложение ещё будет в силе, то я соглашусь.

– Почему через пять лет?

– Потому что у тебя ещё есть шанс встретить ту единственную.

– Может, через пять лет у меня уже стоять не будет.

Улыбка снова играет на её губах, и она, не сводя с меня взгляда, делает глоток из бокала.

– Я это переживу.

– Почему ты подала это лишь с одной стороны? У тебя тоже есть шанс построить отношения. Вероятнее всего, это ты выскочишь замуж, а я останусь не у дел. Заставляете вы меня во френдзоне сидеть, Даяна Павловна.

– Кому я нужна бракованная? – и улыбка стирается, превращаясь в горькую усмешку, исказившую губы.

– Зачем ты так?

– Это правда, и ты это знаешь. Я не могу иметь детей, совсем не могу, даже шанса нет. И я не хочу потом наблюдать, как мой мужчина засматривается на детей на детской площадке, понимая, что я не могу ему их подарить. Или каждый раз переживать, что он может уйти к той, которая сможет ему родить.

– Дети – это не главное.

– Может, и не главное, но это имеет большое значение.

– Есть детдома, суррогатные мамы.

– Ты бы подписался на ребёнка из детдома?

– Меня воспитывала тётя, поэтому я не вижу в этом ничего странного.

– Слав, воспитывать своего племянника и воспитывать абсолютно чужого ребёнка – это разные вещи и не все на это согласны.

– Суррогатные матери?

– Я не уверена, что выдержу это, – смотреть как твой ребёнок растёт в другой женщине и, не имея возможности самой испытать это, чувствовать его шевеления, ощущать в себе новую жизнь. Я с ума сойду от чувства жалости к себе. Тогда уж лучше из детдома.

– Дая... – мне хочется её поддержать, сделать эту тему для неё менее болезненной.

– Давай не будем об этом сегодня.

– Хорошо.

Остаток ужина разговариваем о работе, и я вижу, как ей становится легче. Пока она принимает душ, я убираю посуду в посудомойку, а после, допив вино, мы скрываемся в полумраке

спальни. Белые простыни на её большой кровати с коваными спинками выглядят маняще и контрастно в сочетании с чёрным полом; старый французский фильм через проектор на стене и её голова на моём плече. Человеческое тепло, которого так не хватает нам двоим. Сегодня не будет секса, он будет утром, а сейчас лишь полумрак, тонкий аромат её геля для душа и отдых от работы, от одиночества, от мира.

– Ты когда свою старую колыхагу поменяешь? – кивнул в сторону её чёрной ауди, когда утром мы вышли на улицу и ждали, пока прогреются машины.

– Ей всего пять лет, и я не хочу её менять.

– Машину надо менять каждые три года, иначе она у тебя из серваков перестанет выезжать. Тебе тачку подарить?

– Подари. Наконец-то перестану всем доказывать, что я сама машину купила, смогу честно сказать – насосала.

Смеясь, отбросил сигарету в урну и привлёк к себе Даю, коротко целуя в губы.

– У тебя когда день рождения?

– В сентябре.

– До сентября на этой поезди, а там разберёмся.

– Если тебя не посадят. – Она улыбается, но в тоне уже нет прежней игривости. – Что за тёрки с налоговой?

– Откуда информация?

– У нас бухгалтера из одной конторы.

– Понятно.

– Светлана не вытягивает?

– Она в чистую может считать, а мне надо, чтобы дважды два пять вышло, а точнее дважды два – семьсот восемьдесят шесть миллионов двести шестьдесят тысяч.

– Это стоимость той квартиры в новом квартале? – брови Даяны вскинулись вверх. – И чем тебе старый фонд не нравится?

– Мне нравится эта.

– У меня таких талантливых нет, но я постараюсь расспросить парочку знакомых.

– Не волнуйся, я найду выход.

– А если нет, то я останусь без новой тачки, Усманов. – При этом Даяна делано взмахивает ресницами, что вызывает мой хохот. Это совсем не её амплуа, и она об этом прекрасно знает. – Так что я теперь тоже переживаю.

– Теперь знаю, чем тебя можно купить – тачкой. А брюлики подойдут? Так, на будущее, чтобы знать.

– Слав, ты же знаешь, что не в машине дело, – произнесла уже совершенно серьёзно, поправляя ворот моей рубашки.

Если бы она хотела, могла бы три новых люксовых тачки купить и не испытывать при этом никаких затруднений, мы оба это понимаем.

– Знаю, и спасибо за это, – сжав её прохладные пальцы, поднёс их к своим губам, касаясь поцелуем.

– Алексеева Ольга Викторовна. На выход.

Слова, которые я ждала долгих два года, шаг за шагом по казарменным коридорам, в неверии, что уже через четверть часа я выйду за ворота колонии.

– Вещи на досмотр. – Расстёгиваю небольшую сумку, ставя её на обитый нержавеющей сталью стол. – Документы. Распишись. – Я забираю протянутые бумаги с паспортом и ставлю свою подпись в каких-то табелях. – Вещи твои, – мне протягивают небольшой пакет, в котором лежит золотой браслет, два тонких кольца и небольшие золотые серьги.

Это то, что было на мне в момент поступления в колонию – колонию общего режима номер пять. Украшения из драгоценных металлов в таких местах под запретом, носить разрешалось только бижутерию, поэтому их сразу изъяли. За эти годы я и забыла, что они вообще у меня были. Молча забираю пакет, засовывая его в сумку.

– На выход! – резко раздаётся от конвоира.

Мы, минуя пост, выходим на улицу, через двор к первым воротам. Предъявление документов на КПП, и быстрым шагом ко вторым воротам. Ноги, обутые в резиновые сапоги, месят весеннюю грязь, которая налипает на обувь тяжёлыми комьями, но я иду, не обращая на это внимания.

Лязг железных засовов, и дверь, наконец, распахивается.

– Ну что, Алексеева, до встречи, – улыбаясь, произносит конвоир.

– Нет уж, прощайте.

– От сумы до тюрьмы, – раздаётся вслед, и он, смеясь, закрывает за мной дверь.

Глава 3

Вытащив из сумки пачку сигарет, чиркнула спичкой, подкуривая, и, сделав затяжку, двинулась по обочине просёлочной дороги в сторону виднеющегося вдалеке посёлка городского типа. Сапоги месили грязь, а погода неумолимо напоминала о прошлом.

На календаре 19** год. Мне семь. Я жую битум на стройплощадке неподалеку от дома, бегаю постоянно с разбитыми коленками, вечерами смотрю «Спокойной ночи, малыши!», а по праздникам езжу с мамой и папой в Детский мир. Деревья ещё большие, мир бескрайний и дружелюбный, и всё ещё впереди. Именно так мне и казалось. А потом ушёл отец...

Просто собрал в потёртый чемодан свои вещи и, не обращая внимания на мать, застывшую у стены в коридоре, как изваяние, ронявшую молчаливые слёзы и держащую на руках трёхмесячную Алинку, ушёл. Поцеловал меня в макушку и ушёл. И мой мир разрушился, точнее будет сказать, что просто мои розовые очки, присущие всем детям, в одно мгновение разбились, оголяя и открывая неприкрытое зло этого мира: его грязь, боль и беспощадность. Тогда тоже была такая же весенняя слякоть и грязь. Я вышла гулять. Резиновые сапоги тонули в грязной жиже, издавая чавкающие звуки, а я бродила по детской площадке у дома и, несмотря на моросящий дождь, не желала идти домой, где была орущая Аля и тихо плачущая мать.

Это случилось двадцать три года назад. Отец так и не вернулся, а я до сих пор помню те резиновые зелёные сапоги, облепленные весенней грязью с крапинками от дождевых капель.

Улицы ПГТ* тоже не особо отличались чистотой, но тут хотя бы был асфальт и идти стало легче.

– Эй, ребятня! – окликнула я пацанов лет восьми, гоняющих мяч у одного из частных домов. – Где у вас тут вокзал?

– До конца улицы и налево, там станция.

– Спасибо. – Отфутболила подкатившийся ко мне мяч обратно мальчонке и, улыбнувшись, подмигнула.

Войдя в одноэтажное кирпичное здание, облезшее снаружи и не видавшее ремонта со времён развала Советского Союза внутри. Я направилась к окнам с надписью «Касса». Словно в машину времени попала: мраморные полы, крашенные эмалью не в один слой; подоконники, уже пожелтевшие от времени, потрескавшиеся и местами облупившиеся, открывавшие в этих «срезах» целую историю. Белёные потолки со старыми люстрами и жёлтыми подтёками из-за прохудившейся крыши; деревянные полуразвалившиеся кресла в зале ожидания и часы – большие, круглые с белым циферблатом, чёрными цифрами и бледно зелёным корпусом, – казалось, намертво замурованные в стену.

– Билет до Н-ска сколько стоит? – обратилась в окно, заставляя грузную женщину лет сорока пяти оторваться от своего вязания.

– Ускоренный, обычный?

– Разница в стоимости большая? И какой ближайший? – Денег в кармане кот наплакал: выданный ЕДП** плюс компенсация на билет до Н-ска и заработанные копейки за последние отработанные дни – итого и двух тысяч нет. Но я готова была отдать их все, лишь бы как можно быстрее увидеть мать и сестру.

– Ускоренный – четыреста рублей, обычный – двести двадцать. Ближайшая посадка в двенадцать тридцать восемь, экспресс.

– Давайте ближайший, – протянула паспорт в окошко.

– Сколько билетов?

– Один.

Убрав паспорт с билетом в сумку, двинулась к единственному киоску в этом здании, на вывеске которого было написано от руки фломастером «Горячий кофе».

- Девушка, кофе можно?
- Вам чёрный или три в одном?
- Чёрный с сахаром. А пирожки есть?
- С картошкой, капустой, беляши, сосиска в тесте, самса.
- С капустой один, пожалуйста.

Никогда ещё обычная еда не казалась мне настолько вкусной: то ли дело в том, что кофе я за эти два года почти не видела, то ли в том, что ела я не в казарме со всеми, а на свободе.

Людей становилось всё больше, и в какой-то момент даже в глазах зарябило от количества красок в одежде – привыкла я к серой безликой робе и такой же серой форме надзора. Когда объявили подходящую электричку, все двинулись на перрон. И я, перекинув сумку через плечо, двинулась за всеми.

Четыре с половиной часа в мыслях о доме, о маме, о своём чувстве вины перед ней.

Я вышла на перрон в своём городе, силясь вспомнить, на какой автобус мне нужно сесть и одновременно поражаясь тому, как информация, которую я знала с детства, стёрлась в моей памяти за эти два года.

– Оля... Ольга Алексеева!

Я повернула голову, с трудом узнавая в рядом стоящей женщине Светку.

– Света, – и ком подкатил к горлу.

Мы дружили с ней со школьной скамьи, дружили так, что нас считали сёстрами. Два года назад она плакала, успокаивая мою мать в зале суда, когда огласили приговор, разрывая мою душу в клочья.

Светка тут же бросилась ко мне с объятьями, стискивая меня в руках.

– Как же я соскучилась... – И, отстранившись: – Ты как? Всё? – Риторические вопросы, только тоска и надежда в голосе.

– Сегодня освободилась.

– По УДО***?

– Да.

– Почему не позвонила? Не написала? Я бы встретила.

– Стала бы я тебя напрягать.

– Ой, дура! Я бы прямо к воротам за тобой приехала, если бы знала. – И, отвернувшись, крикнула, взмахнув рукой: – Анька, я тут! – Белокурая девочка-подросток в смешной дутой куртке поспешила к нам. – Племянницу встречаю, родители её опять по командировкам мотаются, а я за няньку.

– Свет, какой автобус идёт отсюда до нас? Вспомнить никак не могу.

– Какой к чёрту автобус, сейчас отвезу. Анют, ну, давай быстрее.

– Слав, – промурлыкала Юля, пройдясь ноготками по моей груди, – отвезёшь меня обратно до работы.

– Забыла что-то? – Я лениво потянулся на белых простынях, после секса хотелось курить, но выходить на открытый балкон отеля под холодные порывы ветра не было никакого желания.

– Нет, меня Сеня просто обещал забрать. Я ему и так соврала, что задержусь.

У Юли был большой плюс – она была замужем, причём глубоко и надолго, с собакой, сыном и дачей по выходным. Поэтому наши отношения она не афишировала и не форсировала в какую-либо сторону, что устраивало и меня, и её.

– Хорошо, собирайся, – привлёк её к себе, коротко поцеловав. – И не забудь о том, о чём я тебя просил.

– Я постараюсь узнать больше, но ты ведь понимаешь, что я не на той должности нахожусь, чтобы быть настолько в курсе.

Когда-то она сидела в администрации города, что было гораздо выгодней, но руководство сменилось, и она была вынуждена уйти. Теперь же Юля работала в налоговой, но на такой маленькой должности, что толку от неё почти не было.

– Юль, у тебя есть уши и мозги, так воспользуйся ими. Ты же знаешь, что я отблагодарю.

– Конечно, знаю, – она улыбнулась и потянулась к сумке за косметичкой, блеснув золотым браслетом, который я подарил ей в прошлом месяце.

**ПГТ – посёлок городского типа*

***ЕДП – единовременное денежное пособие (в РФ это 800-850 рублей) выдаётся заключённому при освобождении из мест лишения свободы, а также выдаётся билет или денежная компенсация на его приобретение, если освобождаемого никто не встречает и ему нужно будет самостоятельно добираться до дома. В кассе бухгалтерии помимо ЕДП выдают и остальные причитающиеся осужденному деньги, например, если что-либо осталось на личном счёте, на который зачислялась зарплата в колонии.*

****УДО – условно-досрочное освобождение.*

Глава 4

– Оля... – выдохнула мама, открыв дверь, и её глаза тут же наполнились слезами.

– Мамуль, – сделав шаг и скинув с плеча сумку. Тёплые крепкие объятия и такой родной, и уже почти позабытый запах близкого человека – это то, чего, оказалось, так отчаянно не хватало все эти годы.

– Отпустили? – отстранившись и с такой тревогой и надеждой вглядываясь в мои глаза.

– Да, мам. – Её слезы по щекам, и душу сжало в железные тиски. – Всё хорошо. Я дома, мам. Не плачь, пожалуйста.

– Это от радости, дочь, – произнесла, вытирая влагу носовым платком. – Не ожидала совсем. Ты не написала, не позвонила.

– Прости. Всё могло в любой момент измениться, и я бы потом чувствовала себя виноватой. Я и так ею себя чувствовала. Я была виновата перед ней за все её слёзы и боль, что она пережила. Эту боль может понять только тот, кто это пережил, кто видел это в глазах своей матери, то отчаянье и безысходность, когда тебе уводит конвой из зала суда. И я бы отдала всё на свете, только бы она этого никогда не видела. Пока я принимала душ, ровно пятнадцать минут по привычке, выработанной за два года (именно столько дают времени всему отряду в банный день в колонии), мама разогрела обед. Когда я зашла на кухню, она уже замешивала оладьи.

– Мам, зачем? Мне и этого хватит.

– Кушай садись. Вечером ещё Алинка придёт голодная.

– А где она сейчас?

– В университете или со своими подружками по городу шатается.

– Учится нормально?

– Да кто её знает, Оль. Передо мной она давно не отчитывается, – произнесла мама, отвернувшись к плите. Я сделала себе мысленную заметку, поговорить с сестрой и узнать, чем она вообще живёт. Алинка была избалованной девицей. После ухода отца мать была вынуждена работать на двух работах, чтобы нас прокормить, и, видимо, испытывая какую-то вину за своё отсутствие, старалась дать нам всё самое лучшее из того, что было в её силах, а Алинка этим безбожно пользовалась.

– Мам, а мои вещи ещё остались? Мне бы кроссовки какие, до участкового сбегать, а то от резиновых сапог уже ноги отваливаются.

– Конечно, Оль. В кладовке и на балконе коробки. Я, что могла, забрала из твоей квартиры перед продажей, правда Алинка кое-что повытаскала, зараза, пока я не видела. Закончив с едой, я сполоснула тарелку над раковиной и, поцеловав мать в щёку, пошла искать обувь.

– Мам, ты вечером на работу?! – крикнула из коридора, натягивая куртку и вытаскивая из сумки документы.

– Я с ночной сегодня, мне только послезавтра с утра выходить, – она вышла в коридор.

– Тогда чего возле плиты стоишь? Иди отдыхай. Её чуть подрагивающие руки и тени, легшие под глазами, вызвали во мне беспокойство.

– Ну ты чего? Как я тебя голодной оставляю.

– Я сама себе приготовлю, с голоду не помру. Пожалуйста, отдохни, мам, – и она снова, не удержавшись, сжала меня в своих руках.

– Я скоро приду, мам, – поцеловала её в щёку и выскользнула за дверь, сглатывая вставший в горле ком.

Остановившись у подъезда, подкурила сигарету и, глубоко затягиваясь, окинула взглядом родной двор и свою всё ещё стоявшую на парковке чёрную четвёрку, правда со спущенными колёсами. Жива ли она ещё? Надо проверить. Я купила её на последнем курсе института, тогда

уже больше года подрабатывала, и моих накоплений едва хватило на её покупку и страховку. А потом был Влад и его подарок в виде Мазды сх-9, которая была официально оформлена на моё имя. Я так и не определилась: это вышло мне плюсом или сыграло против. Мазду пришлось продать, как и квартиру в центре, чтобы покрыть «ущерб, нанесённый преступной деятельностью». Эта же машина фигурировала как доказательство этой деятельности, мол, на свои кровные я не имела возможности приобрести подобный автомобиль без кредита. Воспоминания о Владе породили физически ощутимую горечь, и я, сделав последнюю затяжку, выбросила окурок. Хорошо, что ту машину пришлось продать, я бы всё равно больше не села за её руль.

– Ольга? Алексеева? Да ладно! Обернувшись на голос, увидела Валерку с пятого этажа.

Когда-то вместе в детский сад ходили и оба выросли в этом дворе.

– Привет!

– Привет-привет! Давно ты... ну это... откинулась?

– Сегодня.

– Мои поздравления, – он искренне пожал мою руку и потянулся к карману за сигаретами.

– Спасибо, Валер.

– Чем заниматься планируешь?

– Да пока не знаю. Вот стою, на тачку свою смотрю, надо реанимировать лошадку.

– Да без проблем. Я же тут сервис небольшой в отцовском гараже открыл. Загоним, подшаманим.

– Сдерёшь ведь три шкуры за своё «подшаманим», а я пустая сейчас на бабки.

– Алексеева, ну ты меня сейчас обидела прям, – эмоционально проговорил, едва успев выдернуть изо рта сигарету. – Как не родная, ей богу. Договоримся. Я своих не обижу.

– Мне к участковому сейчас надо, – бросила взгляд на наручные часы.

– Всё, лады, не задерживаю. На обратном пути подходи, я в гараже буду. Подготовлю колёса, мы её переобуем тут и до гаража на тротуаре дотащим.

– Спасибо, Валер, подойду.

В кабинете у участкового пахло сыростью и недавно съеденным дошираком.

– Так, Алексеева, пределы города не покидать, каждую пятницу отмечаться у меня.

– А если на дачу или в лес по грибы? – я усмехнулась, не совсем понимая смысла подобных ограничений. Я же не по «два-два-восемь» сидела и не за грабёж – обычно таких как на привязи держат.

– Обо всех своих перемещениях мне сообщай. Ясно?

– Ясно.

– До пятницы свободна.

– Привет, мой милый! – произнесла мама, подходя к моему столику. Я поднялся, приветствуя её поцелуем в щёку.

– Привет! Как добралась? – отодвигая стул и помогая ей сесть.

– Хорошо, пока пробок нет, можно спокойно ездить. Какой симпатичный ресторан. Я ещё тут не была, – она обвела взглядом помещение, и на её губах появилась улыбка. Мне нравилось, когда я мог её чем-то приятно удивить или порадовать.

– Ты хотела о чём-то поговорить?

– Да. Только давай закажем кофе для начала. Когда принесли кофе, она, постукивая ноготками по чашке, подняла на меня взгляд. – Оксана объявилась... Настроение тут же поменялось: и моё, и мамы.

– Снова? Что хотела?

– Что и всегда. Помощи. Денег.

– Я уже надеялся, что она в какой-нибудь подворотне померла.

- Слав, она твоя мать.
- Моя мать – это ты, а она – это так, биологическая составляющая. Я надеюсь, ты ей ничего не обещала?
- Нет, я сказала: сначала поговорю с тобой.
- Ни копейки ей не давай. Где гуляла все эти тридцать девять лет, путь там и гуляет. Можешь так и передать.
- Ты строг к ней.
- Я справедлив. И я своей позиции не поменяю.

Глава 5

После встречи с мамой ощущал внутри раздражение, едкое и не стихающее. Всё это оттого, что она снова назвала Оксану моей родной матерью. Нет, родная мать никогда бы не оставила двухмесячного сына своей бездетной сестре и не свалила бы в поисках «женского счастья» с очередным *барем. Для меня родная мать – это Люба, которая вырастила, выкормила, сделала всё, чтобы я вырос нормальным человеком. Именно она дала мне старт в жизнь, она всегда была рядом, будь то ветрянка или разбитое в школе окно, всегда поддерживала и направляла. Только она. А этой вообще в моей жизни не было. Я порой видел письма, которые она писала Любе, ещё когда в школе учился, и в них не было ни строчки, ни вопроса обо мне, там было только одно: «дай денег», «пришли денег», «помоги деньгами». Я увидел её впервые пять лет назад. Она приехала к Любе и просила помочь. Снова. Когда я вошёл в квартиру, она даже не поняла, кто перед ней. А я увидел в ней лишь потрёпанную жизнью торгашку с рынка, с засаленными волосами, прокуренными зубами и опухшим после хорошей пьянки лицом. Нет, она мне никто, была никем и никем останется, что бы мама ни говорила. Вывернул руль, выезжая с парковки ресторана, вливаясь в поток машин. Надо сегодня срочно в зал, а лучше в спарринг с Волчарой или Стасом. Стиснул руль сильнее, до белёсых костяшек, гася и подавляя желание дать волю эмоциям: втопить педаль газа, вывернуть на встречу, поджимая и подрезая мешающие мне авто. Стянув с торпеды пачку сигарет, закурил, приоткрывая окно. Сбросил скорость. Намеренно. Контроль. Иначе всё пойдёт по известному половому органу.

После участкового зашла к Валерке. Он уже грузил колёса для моей машины в свою старенькую Тойотку. А через час моя четвёрка уже ползла на тротуаре к его гаражу.

– Ну всё, полдела сделано, – произнёс Ефимов, отцепляя трос от машин. – Я сегодня аккумулятор нормальный воткну в неё, попробую завести, а там посмотрю, что да как. Если заведётся, то все патрубки, фильтры, жидкости поменяю, всё проверю. Если нет, буду смотреть, что не так. Ну и колёса тебе сейчас на лето подберу. У меня там на докатку есть комплект тринадцатых.

– Спасибо, Валер. Ты мне до того, как делать начнёшь, сумму скажи, а то вдруг не потяну.

– Частями отдашь со временем. – И, подкурив сигарету, спокойно заметил: – Свои, Оль, а своим помогать надо.

– Ну и как мне тебя благодарить, – усмехнулась по-доброму от того, как в груди сдавило сердце.

– «Долг платежом красен» – знаешь такую поговорку? Забыла уже, как моего Димку спасла. После рождения у его сына обнаружили какие-то врождённые проблемы с сердцем. Операция, сделанная по ОМС, не дала необходимого результата, и они собирали деньги на повторную операцию только уже в Германии и последующую реабилитацию. Я тогда узнала об этом от мамы и не смогла остаться в стороне. Это было давно, года четыре назад.

– Это были просто деньги, Валер. У меня была возможность помочь, я помогла. Как сын, кстати?

– Хорошо, как будто и не было тех страшных лет.

– Дай Бог, чтобы и дальше всё было так же.

– Да, – он выбросил под ноги окурочку и затушил его ботинком.

– Ладно, подходи завтра, всё скажу по машине.

– Договорились, – пожав Валерке руку, пошла домой. Во дворе, подкурив сигарету, села на скамейку недалеко от подъезда. В советское время на этом пятаке, напротив дома, был фонтан; сейчас эту чашу старого фонтана использовали как клумбу, а рядом поставили скамейки. Выросшие вокруг деревья создавали тень в солнечный день, и местные пенсионеры любили

тут проводить время. Я затянулась сигаретой, всё ещё блуждая в тайниках памяти: по поводу Валеркиного сына, своей матери, участкового и того ощущения, что за два года моего отсутствия так много изменилось. Наверное, просто слишком много впечатлений за один день. Я уже докуривала, когда у нашего подъезда притормозила машина. Явно не местная, ценовой разбег не тот, и номера «блатные», знакомые... Этот чёрный тонированный танк – будто неприятный вестник из прошлой жизни. Взгляд намертво прилип к чужаку, словно эта тачка представляла угрозу одним своим существованием. Напряжение возросло, и пальцы левой руки впились в край скамьи... И вдруг из машины выпорхнула моя сестра! Горячий пепел упал на пальцы, обжигая, и я, зашипев сквозь зубы, бросила истлевший до фильтра окурок в урну. В памяти выстрелом цифры, когда-то увиденные, отпечатанные в памяти: это Сухановские номера, депутатские. Но за рулём не он, тому лет сорок уже. Это, скорее всего, отпрыск его, через лобовое особенно под таким углом обзора лицо сильно не рассмотреть, но то, что это был молодой человек, было видно. Твою ж мать, Алин! Сестра обошла машину, встав со стороны водительской двери, поцеловала парня через опущенное стекло и побежала к подъезду. Сжала на секунду веки, до боли. Поднявшаяся волна злости, тревоги и страха сдавила горло, будто сжимая свои трупные пальцы вокруг моей шеи. Что же ты дура такая, Алин?! Неужели моя история тебя ничему не научила? Домой я поднималась, стараясь унять тот ад, что творился внутри. Надо нормально с ней поговорить, спокойно, для начала расспросить всё, вдруг это только первые встречи и прыгнуть с этого вагона ещё можно без потерь. Но надежды на то и надежды, чтобы не оправдываться, мне ли об этом не знать...

Глава 6

Войдя в квартиру, столкнулась с Алинкой в коридоре. Она протирала свою обувь.

– Оля? – удивление в голосе сестры было смешано с недовольством, которое ей не удалось до конца скрыть. – Освободили?

– Да.

– Поздравляю! – Улыбка на лице такая же неискренняя, как и её объятья. Неожиданное и неприятное открытие.

Я прошла за ней на кухню, наблюдая, как она начала рыться в холодильнике и открывать кастрюли и сковородки, стоявшие на плите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.